

№ 35.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

1915 г.

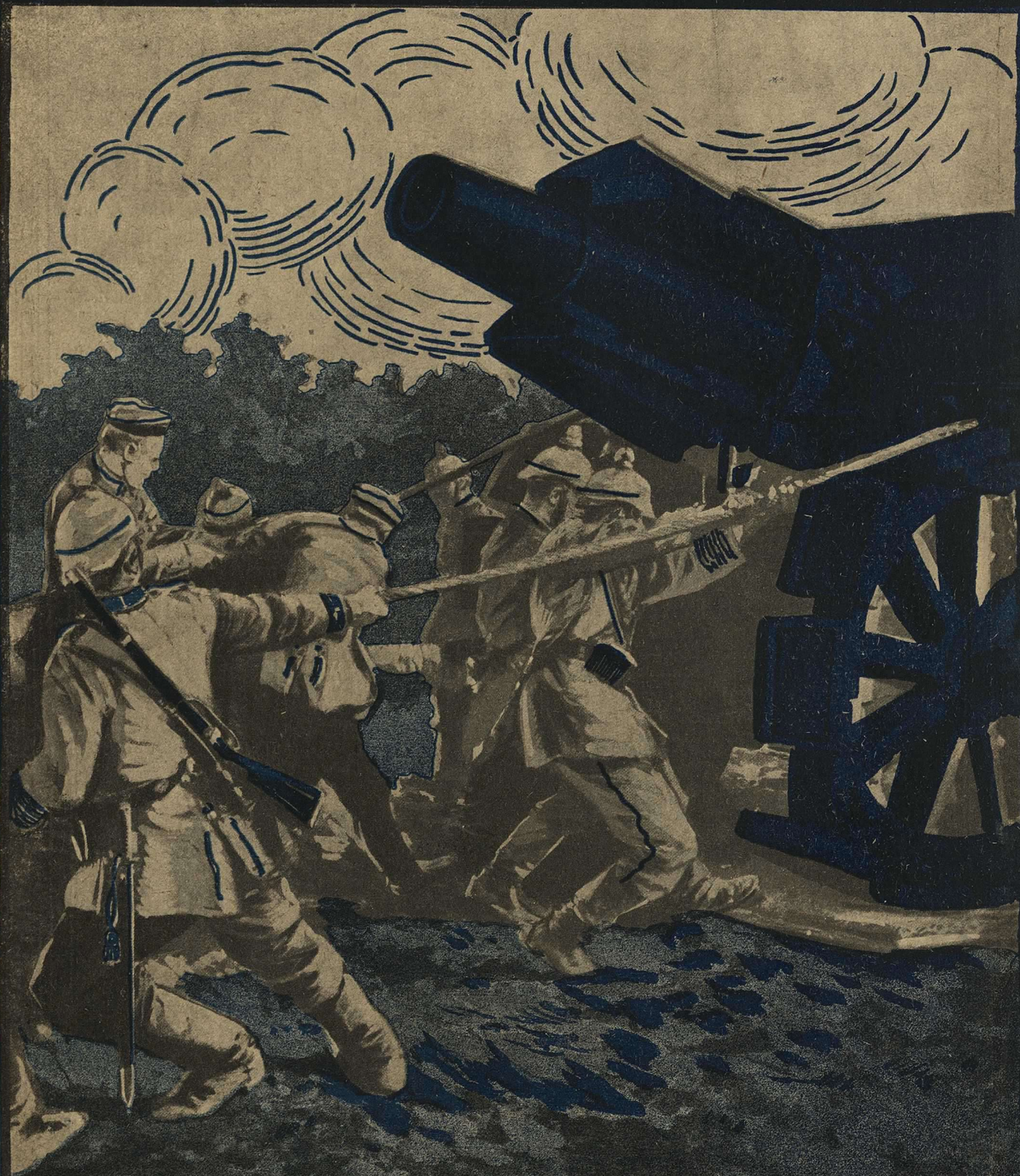
ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 к.

ПЕТРОГРАДЪ.

МАЙ.

Нѣмцы при отступленіи дѣлають тщетныя попытки сдвинуть съ мѣста и отвезти на шоссе огромное орудіе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

На 1 годъ

4 руб.

на сенсационный, литературно-художественный

□ роскошно-иллюстрированный въ краскахъ □

... ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ...

На 1/2 года

2 руб.

20-й ВѢКЪ

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

Каждый номеръ, ————— **СПЕЦИАЛЬНЫЙ-ВОЕННЫЙ.**
————— до конца войны,

ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА существованія—„20-й ВѢКЪ“ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ, по количеству тиража въ русской-периодической печати.

180.000 экземпляровъ въ недѣлю—лучшее доказательство необычайнаго успѣха журнала у русской читающей публики.

Каждый № „20-го ВѢКА“ содержитъ въ себѣ захватывающе-интересные военные рассказы русскихъ и иностранныхъ авторовъ.—Рассказы-корреспонденции съ театра войны.—Разоблаченія военнаго шпіонажа непріятельскихъ странъ.—Кошмары войны.—Война въ воздухъ.—Война подъ водой.—Наши

герои.—Военно-историческій альбомъ.—Шрапнель (курьезы войны).—Веселыя мины.—Художественное воспроизведеніе рисунковъ.—Всѣ рисунки ясны и отчетливы.—Картины и рисунки на военные темы.—Вооруженіе друзей и враговъ.—Фотографіи собствен. корреспонд. съ театра войны.

Подписная цѣна съ пересылкой по всей Россіи: На 1 годъ 4 руб.; на полъ-года 2 руб., на 3 мѣс. 1 р.

Деньги адресовать въ контору журнала „20-й ВѢКЪ“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

Розничная продажа, по 6 коп. за номеръ, производится у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинцій, на пароходн. пристаняхъ и въ кіоскахъ

НА ВСѢХЪ СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(одиннадцатый годъ изданія),

на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ иллюстрированный
худож.-литерат.

ЖУРНАЛЪ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕГКАГО ЖАНРА

„ВСЕМІРНЫЙ ЮМОРЪ“.

Въ журналѣ печатаются злободневные „военные“ фельетоны и рассказы легкаго жанра лучшихъ иностран. авторовъ, изъ послѣднихъ №№ французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ и польскихъ юмористическихъ изданій.

Особенное вниманіе обращено на
..... художественную сторону изданія.

Не менѣе 30 рис. и каррикатуръ въ каждомъ номерѣ въ многокрас. обложкахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой по всей Россіи: на 1 годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 1/4 года 1 р. 50 к.

Розничная продажа №№ журнала производится во всѣхъ кіоскахъ столицъ и провинцій, на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ пристаняхъ и у газетчиковъ—по 10 к. за номеръ.

Деньги и письма адресовать въ главную контору журнала „Всемирный Юморъ“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(одиннадцатый годъ изданія),

на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ и ЮМОРА

„ПОПРЫГУНЬЯ-СТРЕКОЗА“.

— ВО ВСЕ ВРЕМЯ ВОЙНЫ —

КАЖДЫЙ номеръ СПЕЦИАЛЬНЫЙ-ВОЕННЫЙ. Не менѣе 30 рисунковъ и каррикатуръ въ каждомъ номерѣ, въ многокрасочныхъ обложкахъ.

Безопасная борьба съ нашими врагами, при помощи ядовитаго смѣха—вотъ задача журнала въ 1915 г. Журналъ гордится тѣмъ, что уже испортилъ много крови кайзеру Вильгельму и Францъ-Иосифу, которые уже дали обѣщанія разстрѣлять редактора и всѣхъ сотрудниковъ... когда въ полѣ ракъ свистнѣтъ.

Въ 1915 г. въ журналѣ „Попрыгунья-Стрекоза“ по прежнему принимаютъ участіе слѣдующіе извѣстные русскіе юмористы:

Сэръ Пичъ-Брэнди.—Евгеній Вѣнскій.—Евгеній Сно (Ясновидящій).—Наль.—И. Герсонъ (Зрячій).—Сергѣй Михѣевъ.—Вегеновъ.—Н. Агнiewiczъ.—Вильгельмъ Теткинъ.—Амадисъ Гальскій и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой по всей Россіи: На 12 мѣс. 4 руб.; на 6 мѣс. 2 руб.; на 3 мѣс. 1 руб. Деньги адресов. журналу „Попрыгунья-Стрекоза“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА, по 7 к. за номеръ, производится у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинцій, на парох. пристаняхъ и въ кіоскахъ

НА ВСѢХЪ СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

Условия подписки

съ доставкой и
пересылкой по
всей Россіи:

на годъ . 4 р. — к.

„ 1/2 года 2 „ — „

„ 1 мѣс. — „ 30 „

Перем. адреса 25 к.

Непринятые рукописи
не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Такса объявленій:

За строку нонпа-
рели въ 1 стол-
бецъ:

(1/4 шир. стран.)

впер. текста . 90 к.

позади „ . 60 „

Постоянные заказы по
соглашенію.

№ 35—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. — Май. —

„ПРОПАЩІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.“

Разсказъ изъ прошлой русско-турецкой войны.

Жаркимъ іюньскимъ днемъ Н-я батарея, вытянувшись гуськомъ, двигается по Военно-Грузинской дорогѣ.

Въ воздухѣ совершенно тихо. Пыль, поднятая людьми и лошадьми, такъ и стоитъ цѣлымъ облакомъ и покрываетъ сѣрою дымкой усталыя и потныя лица артиллеристовъ. Сѣрая лента ровнаго, какъ скатерть, шоссе змѣй вьется по уступамъ горъ, забѣгая въ ихъ изгибы. Справа и слѣва уходятъ въ облака громады Кавказскихъ горъ. Терекъ, сдавленный ихъ объятіями, бѣшено рвется, наполняя грохотомъ узкое и дикое ущелье. Дорога взбирается все выше и выше, а горы становятся все страшнѣе и упрямѣе, какъ будто нарочно загромождая путь дерзкому человѣку, который ползетъ на ихъ снѣжные хребты. И въ душѣ шевелится тяжелое, щемящее чувство ничтожества...

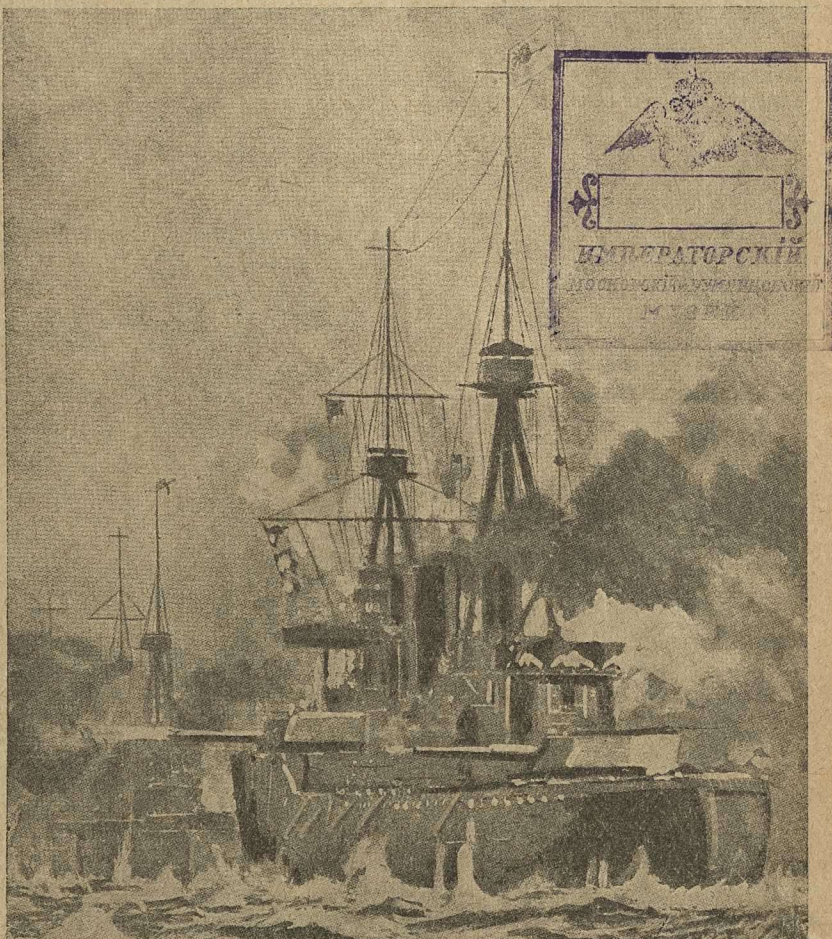
— Ваше высокородіе, докладываетъ фельдфебель командиру батареи, толстому полковнику съ жирнымъ лицомъ и заплывшими глазками, — Юрченко только что теперь прибѣгъ; на перекличкѣ не былъ; самый пропащій человѣкъ. Арестантъ, какъ есть арестантъ. Одинъ конфузъ для батареи...

Но командиръ относится довольно безучастно къ словамъ фельдфебеля. Ему слишкомъ жарко, ему не до Юрченка совсѣмъ и не до жалобъ на него. Онъ чувствуетъ только, какъ его грузное тѣло, установленными какъ-то впередъ въ стремена коротенькими ножками, беспомощно качается на сѣдлѣ. Жирная шея выползла изъ-за воротника, и ее горячо припекаетъ солнце. Онъ силится вспомнить про Юрченку и вникнуть въ то, что говоритъ фельдфебель.

— Юрченко — балагуръ, запѣвало, гармонистъ и весельчакъ, но неисправимый забулдыга и пьяница. Гдѣ Юрченко — тамъ пѣсни, веселье, здоровый раскатистый хохотъ. Этого Юрченко, такъ и знали всѣ, составлялъ какъ бы поэтический элементъ въ батареѣ среди хлопотъ, усталости и скуки повседневной рутины

солдатской жизни. Онъ крѣпко держался интересовъ своей батареи и всѣхъ людей раздѣлялъ на двѣ категоріи: солдатъ и вольныхъ. По отношенію первыхъ онъ соблюдалъ по возможности всѣ требованія солдатской этики, но съ вольными, особенно, съ туземцами, позволялъ себѣ всевозможныя гадости, доходя до крайняго предѣла. Его неукротимая энергія и беззаботное легкомысліе никакъ не мирились со строгимъ режимомъ военной службы, и ни мѣрами строгости, ни кротостью нельзя было добиться отъ него исправнаго поведенія. Товарищи его любили за неподдѣльную веселость и врожденный юморъ.

Теперь онъ, приведенный фельдфебелемъ, стоялъ передъ командиромъ батареи, опутивъ глаза, и смотрѣлъ куда-то въ бокъ, избѣгая взглядовъ начальника

Англійскіе дредноуты въ Дарданелахъ.

Бельгійскій безпроводный телеграфъ, приспособленный для перевозки на собакахъ.

и переминаясь съ ноги на ногу. Его красное, покрытое веснушками лицо, со вздернутымъ кверху носомъ, съ воспаленными отъ ночного разгула и пьянства глазами, выражало полное равнодушіе и покорность судьбѣ. Жара, головная боль съ похмелья, страшная усталость (ему пришлось бѣгомъ догонять батарею), и предстоящая «распеканція» начальства приводили его въ самое отвратительное расположеніе духа, что случалось съ нимъ очень рѣдко.

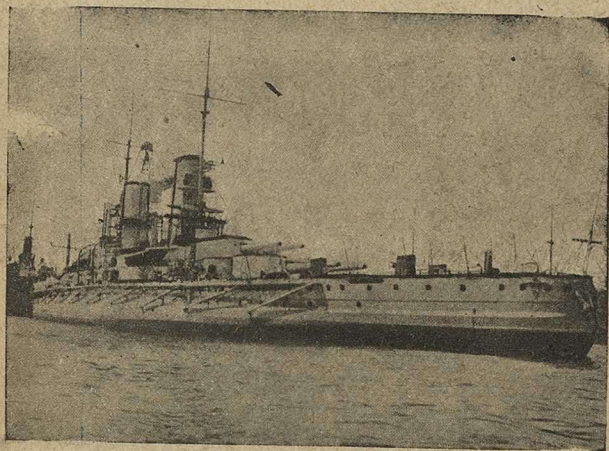
— Гдѣ ты былъ, каналья; кто тебѣ позволилъ; гдѣ шатался, бродяга?—кричалъ на него командиръ батареи, искусственно напуская на себя свирѣпость.

— Такъ точно, ваше высокородіе, загулялъ,—мрачно отозвался Юрченко и еще ниже опустил свою рыжую голову.

Полковникъ былъ нѣсколько озадаченъ. Онъ, собственно, ожидалъ отъ Юрченка что-нибудь въ родѣ лжи и заpiresательства. Откровенная простота провинившагося окончательно смягчила его, и онъ, безпомощно махнувъ рукой, отѣхалъ въ сторону. А Юрченко, хитро улыбаясь, отправился на свое мѣсто...

Прошло полтора мѣсяца.

Батарея участвуетъ въ сраженіи и, расположившись на небольшомъ пригоркѣ, пускаетъ снаряды по перебѣгающимъ турецкимъ колоннамъ. Полковникъ,

Германскій броненосецъ въ Кильскомъ каналѣ.

вспотѣвшій и красный отъ волненія, въ разстегнутомъ сюртукѣ, катается, какъ шаръ на своихъ коротенькихъ ножкахъ и кричитъ: «жги его, жарь его!» и потираетъ руки отъ удовольствія, когда снарядъ попадетъ въ цѣль.

Вотъ отъ третьяго орудія быстро отскочилъ «номеръ» съ крючкомъ, грохнулъ выстрѣлъ, и орудіе тяжело отпрянуло назадъ.

Командиръ батареи, казалось, замеръ, слился въ одно цѣлое съ биноклемъ, вытягивая свою короткую шею и приподнимаясь даже на цыпочки, чтобы лучше разглядѣть поражение, нанесенное снарядомъ.

— А та, та, та! въ самую кучу! въ самую кучу!—кричалъ онъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ, весь оза-

ряясь широкой улыбкой.

Юрченко стоялъ ящичнымъ 2-го орудія и подносили снаряды и заряды для стрѣльбы, по обыкновенію, пуская остроты и кривляясь на всевозможные лады. Его веселое настроеніе сообщилось и остальнымъ солдатамъ сосѣднихъ орудій, и они съ шуточками и прибаутками ловко и смѣло исполняли свое дѣло.

Вдругъ непріятельскій снарядъ, съ рѣзкимъ свистомъ прорѣзавъ воздухъ, бухнулся въ Юрченковъ ящикъ; раздался оглушительный трескъ; ѣздовой съ вырваннымъ бокомъ стоналъ на землѣ и силился приподняться; двѣ лошади были изуродованы, а третья, чудомъ уцѣлѣвшая, дико билась и рвалась изъ постро-

мокъ. Со всѣхъ сторонъ люди бросились къ ящику, крича и размахивая руками... Но тутъ же, сейчасъ раздался зловѣщій крикъ: «горитъ, горитъ!» — и людская волна быстро отхлынула назадъ, спасаясь отъ грозящей бѣды.

Изъ открытаго заряднаго ящика, гдѣ было нѣсколько пудовъ пороку и болѣе 50 снарядовъ, бѣжали вверхъ въ разныхъ мѣстахъ тоненькія струйки дыма и таяли въ спокойномъ и тихомъ воздухѣ. Небольшія искорки пробѣгали кое-гдѣ по поверхности ящика, съ минуты на минуту становясь сильнѣе и чаще. Стрѣльба прекратилась, и всѣ съ искаженными ужасомъ лицами, въ нѣмомъ оцѣпенѣніи остановились и ждали... Страшно, тяжело и безконечно казалось это ожиданіе.

Но вотъ кто-то отдѣлился отъ толпы и бросился къ ящику, на ходу снимая шапку и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ...

— Юрченко, Юрченко... раздались испуганные голоса, — назадъ!..

Но онъ стоялъ уже на оси ящика, наполовину окутанный дымомъ, и пытался затухить огонь руками, шапкой, наконецъ, легъ всѣмъ корпусомъ на ящикъ.

Еще секунда и изъ ящика полетѣли одинъ за другимъ кожаные мѣшки съ орудійными зарядами. Стиснувъ зубы, отчетливо, не теряя секунды времени, выбрасывалъ ихъ Юрченко, забывъ о себѣ... Опасность новала, наконецъ. Вся пакля, въ которую были упакваны снаряды, благополучно выгорѣла. Ящикъ былъ спасенъ.

Юрченко, весь черный отъ дыма, въ прожженномъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ мундирѣ, безъ шапки, стоялъ безмолвно около своего ящика, дико озираясь вокругъ и не отдавая себѣ отчета во всемъ происшед-

шемъ. Вдругъ всѣ бросились къ нему, окружили его, и со всѣхъ сторонъ послышался говоръ, шумъ, одобренія и восклицанія, всѣ что-то другъ другу говорили, махали руками, показывали на ящикъ... Командиръ батареи волновался и горячился больше всѣхъ. Онъ обнялъ Юрченка и кажется предлагалъ ему деньги, но тотъ упорно отказывался и говорилъ:

— Я долженъ быть, потому мой ящикъ!

Вскорѣ все пришло въ обычный порядокъ, и стрѣльба продолжалась съ тѣмъ же одушевленіемъ, только Юрченко, герой дня, потерялъ всгдашнюю веселость и былъ до крайности сосредоточенъ, особенно дѣловито и серьезно исполняя свои обязанности. Къ вечеру бой затихъ, и батарея при общемъ наступленіи перемѣнила позицію, оставшись би-вакировать на полѣ сраженія.

Нѣжная, теплая южная ночь спустилась на землю. Милліоны звѣздъ засверкали въ бархатно-синемъ небѣ. Въ воздухѣ тихо, только изрѣдка раздается надъ батареей богатырскій храпъ какого-нибудь солдата, измаяшагося за день, да тихій шелестъ сѣна, пережевываемого лошадьми.

Офицерство, подъ предсѣдательствомъ командира батареи, закусываетъ на травѣ, при свѣтѣ фонаря...

Нѣсколько впереди батареи собралась кучка солдатъ, и тамъ слышится рѣзкій голосъ снова повеселѣвшаго Юрченка, покрываемый раскатистымъ хохотомъ.

Полковникъ насторожилъ уши.

— Что тутъ такое, ты опять куда бѣгалъ?—спросилъ онъ, подходя съ развалкой къ кучкѣ солдатъ и обращаясь къ Юрченку...

Тотъ, оказалось, успѣлъ снова накуролесить... Отъ него сильно пахло водкой.

— Тьфу, проклятый! ты опять за свое, сталъ бранить его полковникъ, но, не договоривъ, повернулся и отошелъ...

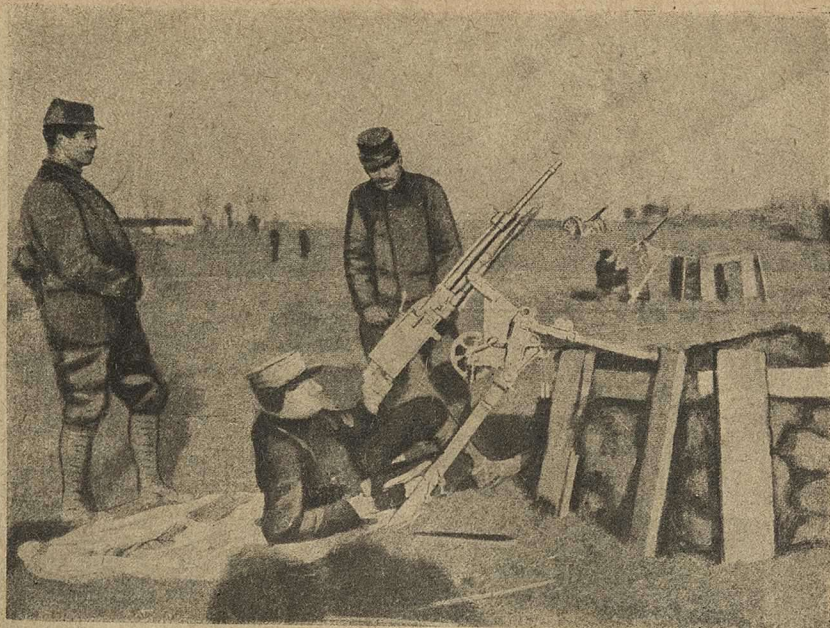
— Арестантъ, какъ есть арестантъ, — заворчалъ подошедшій фельдфебель, — три часа былъ какъ слѣдуетъ, а теперь опять за свое! Пропашій человѣкъ и больше ничего!

Полковникъ вернулся и снова подсѣлъ къ закусѣ...

А вдали снова послышался голосъ Юрченка, и одобрительныя восклицанія его остроумію: «Ахъ, чортъ! Ахъ, волкъ ты забѣшь!» сопровождаемая здоровымъ солдатскимъ хохотомъ...

«Пропашій человѣкъ» веселилъ всю компанію...

В. М.

Французскіе пулеметчики обстрѣливаютъ германскихъ «Таубе».

Русскій офицеръ умираетъ.

(Эпизодъ изъ русско-японской войны).

Бой подъ Тюренченомъ принималъ все болѣе и болѣе горячій характеръ, съ каждой новой минутой разгорался, переходя въ жестокое, беспощадное истребленіе другъ другомъ двухъ сошедшихся враговъ.

Здѣсь столкнулись и вступили въ ожесточенную борьбу довольно значительный отрядъ русскихъ войскъ и японцы, силою, по крайней мѣрѣ, въ 5—6 разъ больше, чѣмъ ихъ противникъ.

Много потерь уже понесъ русскій отрядъ, но еще болѣе потеряли японцы, изъ среды которыхъ было убитыми и ранеными, пожалуй, въ десять разъ болѣе, чѣмъ изъ числа русскихъ.

Тѣмъ не менѣе японцы продолжали энергически наступать на противника, пользуясь громаднымъ численнымъ превосходствомъ своихъ силъ.

Особенно тяжело приходилось русской батарее, командуемой полковникомъ Муравскимъ.

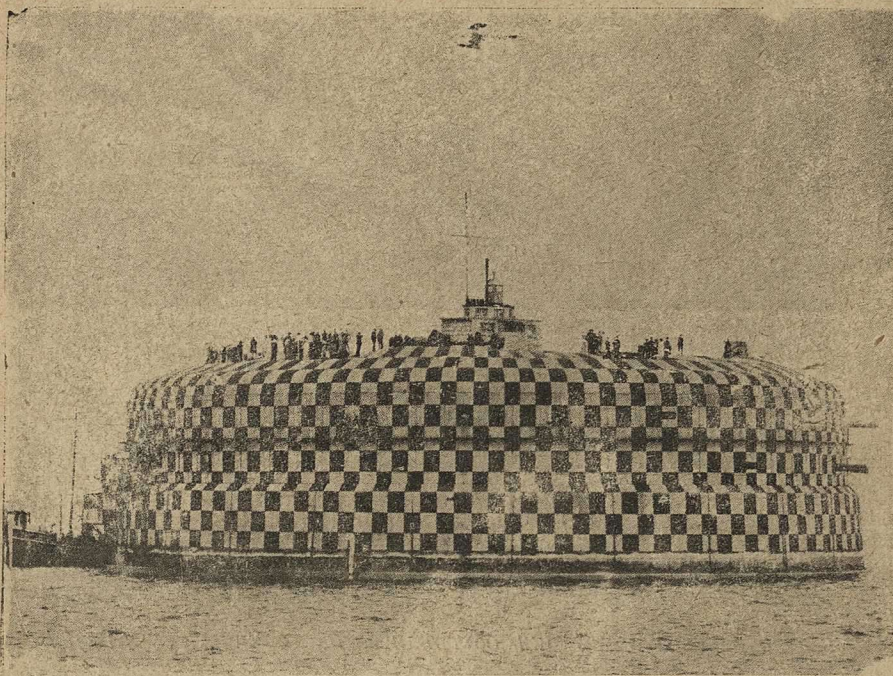
Бравый полковникъ, выдвинувъ въ пылу битвы свою батарею поближе ко врагу, началъ осыпать его истребительными снарядами.

Смерть неслась вихремъ съ батареи, ни на минуту не умолкавшей, неслась на все новыя части вражескихъ войскъ, пытавшихся заставить батарею уйти съ занятой ею позиціи.

Но ничто не помогало: батарея все оставалась на прежнемъ мѣстѣ, продолжая свое истребительное дѣло.

Англійскій коммерческій пароходъ, вооруженный специальной пушкой, разстрѣливаетъ германскій дирижабль, напавшій на него въ открытомъ морѣ.

Пловучая блиндированная крѣпость, послѣднее итальянское изобрѣтеніе. Эта крѣпость въ случаѣ войны будетъ защищать Венецію отъ австрійскихъ авіаторовъ.

Но вотъ на правомъ и лѣвомъ флангахъ ея показались густыя толпы японцевъ, открывшихъ по ней жестокою стрѣльбу.

Люди одинъ за другимъ падали, поражаемые вражескими пулями.

Командиръ увидаль необходимость отступить хотя бы для того, чтобы укрыть людей отъ столь частыхъ выстрѣловъ; но куда отступить?

Прямо — густыя толпы враговъ, за нѣсколько минутъ передъ этимъ буквально разстрѣливаемыхъ лихой батареей; справа и слѣва все набѣгаютъ враги и все близятся къ русскимъ.

Назадъ?

Но тутъ такая неровная мѣстность, вся испещренная высокими кручами и глубокими оврагами, что батарее не проѣхать.

— Съ Богомъ, ребята! — вдругъ воскликнулъ полковникъ Муравскій. — Отступимъ, займемъ новую позицію и отсюда зададимъ имъ трепку.

Гораздо быстрее, чѣмъ на какихъ бы то ни было смотрахъ, всѣ были на своихъ мѣстахъ, и батарея двинулась назадъ; но недолго отступала она: неровность почвы заставила ее остановиться; лошади не взяли на кручу.

Что оставалось дѣлать?

Нашлось бы не мало людей, но только не русскихъ людей, которые начали бы искать спасенія въ бѣгствѣ.

Оставивъ орудія съ лошадьми, они бросились бы бѣжать дальше и, можетъ-быть, многимъ удалось бы спастись.

Но русскій солдатъ не знаетъ постыднаго бѣгства.

— Стой! — раздалась вдругъ команда полковника Муравскаго. —

Зададимъ имъ баню! Дорого продадимъ себя! Ребята, за Царя, за Русь святую!..

Не успѣлъ бравый командиръ докончить обращеніе къ своимъ солдатамъ, какъ всѣ орудія остановились, орудія были сняты съ передковъ, и по наступавшимъ японцамъ открылась такая пальба, какой они, вѣроятно, и не ожидали.

Полковникъ самъ заряжалъ орудія и стрѣлялъ, когда прислуга валилась съ ногъ подъ непріятельскими выстрѣлами.

Но вотъ снаряды всѣ вышли.

Полковникъ сталъ выхватывать замки изъ орудій и разбивать ихъ о камни.

— Ваше высокоблагородіе, — кинулось нѣсколько оставшихся въ живыхъ солдатъ къ своему командиру. — Пойдемте!.. Спасайтесь! — умоляли они его.

— Спасайтесь сами, ребята! — отвѣчалъ командиръ. — Съ Богомъ! Вы все сдѣлали, что можно, а я останусь здѣсь, вмѣстѣ съ этими!.. — И онъ развелъ руками, какъ бы указывая на лежащихъ вокругъ солдатъ.

— Мнѣ некуда идти, батареи моей больше нѣтъ. Куда же я пойду? Я ужъ останусь тутъ. — И изъ глазъ его брызнули слезы. — Идите! — закончилъ полковникъ и вдругъ упалъ.

Непріятельская пуля поразила его въ грудь, прекративъ навсегда жизнь этого мужественнаго чело-вѣка.

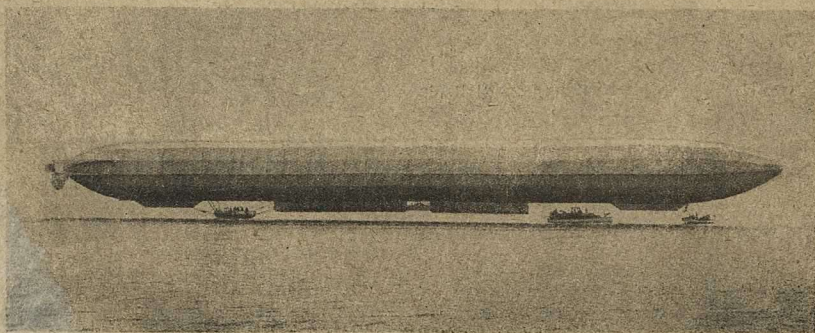
Нѣсколько оставшихся въ живыхъ солдатъ перекрестились и, схвативъ трупъ своего бывшего командира, бросились уходить отъ спѣшившаго со всѣхъ сторонъ врага.

ТЫСЯЧА ЛѢТЪ.

Когда шелъ вопросъ о назначеніи Наполеона командиромъ итальянской арміи, то всѣхъ останавливала его молодость:

— Вы слишкомъ молоды, говорили ему.

— Слишкомъ молодъ! — вскричалъ онъ. — Слишкомъ молодъ! Но черезъ шесть мѣсяцевъ я возьму Миланъ (j'aurai mille ans, то есть, мнѣ будетъ тысяча лѣтъ).

Самый крупный изъ германскихъ «цеппелиновъ».

КАРАМЕЛЬКА.

Разсказъ Александра Рославлева.

... Сначала, весело дая, мелькнулъ бѣдый на желтомъ пескѣ шпигъ, а слѣдомъ за нимъ показался полковникъ.

Какъ всегда, медленно и грузно поднялся онъ по лѣстницѣ, поздоровался, благодушно улыбаясь, и, плотно сѣвъ въ свое любимое кресло въ углу террасы, помахалъ на себя фуражкой.

— Война, Маврикій Николаевичъ, — сейчасъ же началъ кто-то изъ насъ, обращаясь къ нему.

До этого мы только что прочитали газеты и горячо обсуждали столь быстро и грозно надвинувшіяся событія.

— Надо было ждать, — къ тому шло.

Спокойствіе, съ которымъ это было сказано, еще разъ показало, что полковника ничѣмъ не удивишь и недавно такъ бѣлы его лихіе усы.

— Типичная тупая нѣмецкая заносчивость.

— А мнѣ такъ кажется, что Вильгельмъ, конечно, свое сдѣлалъ, но рано или поздно — идея милитаризма и идея мира все равно должны были бы столкнуться. Это — война противъ войны.

Нѣсколько минутъ полковникъ слушалъ насъ не то безразлично, не то разсѣяннo и вдругъ, серьезно замѣтилъ:

— Нашъ солдатъ — это имъ не шутки. Я вамъ про карамельку разсказывалъ?

Разсказовъ у полковника было безъ конца, едва ли не на всякій случай жизни. Разсказывалъ же онъ интересно. Про карамельку мы не слышали и просили разсказать.

I.

— Такъ вотъ, — началъ полковникъ, вставляя въ яитарный мундштукъ папиросу, — былъ у меня въ шестой ротѣ унтеръ Зубковъ. Здоровъ, какъ оглобля, первый въ полку стрѣлокъ и во всѣхъ отношеніяхъ малый отличный. Но попался онъ мнѣ разъ пьяный и наругалъ, а у меня тогда были разныя непріятности и золь я былъ до черта; ну, погорячился и изругалъ его на всѣ корки. Потомъ, на другой день прямо препаскудно себя чувствовалъ, но у меня всегда такъ: я на половинѣ никогда не останавливаюсь, а это сразу не дается — начинается разная дрянь.

Самое простое было попросить прощенія, и конецъ, и я это прекрасно сознавалъ, но одно дѣло — сознавать, а другое — рѣшиться. Такъ вотъ рѣшиться-то на это я никакъ и не могъ и началъ себѣ доказывать, что все это — ерунда, что я разнѣжничался, а если по-настоящему разобратъ, то я правъ. И довелъ я себя до того, что сталъ къ этому Зубкову по всякому поводу придирааться. Ну, конечно, чѣмъ я больше придирался, тѣмъ мерзѣе себя чувствовалъ, а онъ только блѣднѣлъ, когда меня видѣлъ, и такъ на меня смотрѣлъ, точно не я предъ нимъ, а пустое мѣсто.

Такъ это у насъ тянулось до объявленія войны, а когда полкъ выступилъ, — такая началась торопешка, что голова пошла кругомъ и ужъ не до Зубкова было.

Какъ мы воевали, это разсказывать долго и суть не въ этомъ, но только

К. Вещиловъ. Начало конца.

подъ Ляояномъ меня ранили, и когда послѣ потери сознанія я очнулся, то оказался въ фанзѣ, гдѣ кромѣ меня были двое убитыхъ японцевъ и этотъ Зубковъ. Раненъ я былъ сравнительно легко — въ руку, но потерялъ много крови и ослабѣ.

Ясное дѣло — первымъ моимъ вопросомъ было, гдѣ я нахожусь и гдѣ наши. Оказалось, до перевязочнаго пункта добраться было невозможно, и Зубковъ приволокъ меня въ оставленную китайцами деревушку. Не помню, какъ ее, кажется — Фанъ-Дя-Тунъ...

Гдѣ-то все время были слышны выстрѣлы; они то удалялись, то приближались. Подъ вечеръ совсѣмъ близко отъ фанзы проскакало четверо японскихъ развѣдчиковъ. Мы ждали, что они вернутся, поэтому Зубковъ могъ выйти лишь поздно ночью. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ его и прислушивался. У меня даже мелькала мысль, что онъ оставитъ меня и уйдетъ. Но часа черезъ полтора онъ вернулся и принесъ фляжку съ водою, а съ нею ничего не досталъ.

Разсказалъ, что подходилъ совсѣмъ близко къ японскимъ окопамъ и слышалъ голоса.

Вода меня нѣсколько освѣжила, но сразу же я ощутилъ сильный голодъ. Начиная свѣтать, Зубковъ хотѣлъ пойти поразузнать въ другую сторону, но я не позволилъ, опасаясь, что его могутъ замѣтить.

II.

Второй день начался съ того, что отъ японцевъ потянуло трупнымъ запахомъ. Я сказалъ объ этомъ Зубкову.

Обоняніе у него было видимо не такъ развито, и онъ сначала обстоятельно принюхался. Часа черезъ три, когда припекло солнце, въ фанзѣ стало такъ смердѣть, что мы позажимали ноздри. Бѣсъ хотѣлось дьявольски. Я стараюсь не думать, заснуть, но ничего изъ этого не выходило. Только должно быть, отъ слабости, у меня слегка кружилась голова.

БЕЛЬГІЙСКІЕ ГЕРОИ.

Бельгійскій рабочій-шахтеръ.

В. Сюливанъ. Тревожный моментъ. (Ватерлоо, 18 июня 1815 г.).

Вторая ночь не принесла намъ ничего утѣшительнаго. Даже и воды не удалось достать. Только Зубковъ трупы наружу вынесъ. Стало ясно, что намъ грозитъ голодная смерть. Миновать японцевъ мы никакъ не могли—положительно со всѣхъ сторонъ были ихъ окопы. Я сталъ терять надежду, но Зубковъ чувствовалъ себя довольно бодро, или, можетъ быть, это онъ лишь показывалъ. Цѣлый день солнце, полное безвѣтріе, и вдали выстрѣлы. Я рѣшилъ, что если голодъ доведетъ меня до послѣдней крайности, то я съ собою покончу.

Отношеніе ко мнѣ Зубкова меня изумляло. Послѣ того, что онъ отъ меня натерпѣлся, его заботливость волновала меня до слезъ. Я держался съ нимъ, какъ и раньше, но, чѣмъ дальше шло, тѣмъ становилось яснѣе, что мы—въ одинаковой степени люди и то, что отличало насъ раньше, въ обычной жизни, теперь безслѣдно стиралось: лежали два голодные, умирающие человѣка, и только.

На третьи сутки я впалъ въ продолжительное забытіе. Это было что-то среднее между сномъ и бредомъ. Я что-то ѣлъ удивительно вкусное и никакъ не могъ насытиться. Когда сознание вернулось, то Зубкова въ фанзѣ не было. Куда онъ могъ выйти днемъ? Это меня удивило, и, насколько мнѣ позволяло мое изнуренное тѣло, я поползъ къ двери. Выглянулъ наружу—поблизости его не было видно. Мысль, что я остался одинъ, ужаснула меня. Съ Зубковымъ исчезла всякая надежда какъ-нибудь подать вѣсть своимъ.

Съ часъ или больше лежалъ я у двери и глядѣлъ въ даль, гдѣ синѣла отлогая, тихая сопка. Зубковъ вернулся. Оказалось, онъ пробрался въ самую послѣднюю фанзу, гдѣ кричала какая-то

Въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Маркитантку, замѣченную въ продажѣ недоброкачественныхъ припасовъ, везутъ обнаженную на ослѣ по городу.

птица, и думалъ подстрѣлить ее, но она улетѣла.

— Что-жъ намъ, — говорю, — теперь дѣлать, Зубковъ?

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе,—а у самого слезы на глазахъ.

— Помирать будемъ?

— Такъ точно.

— А въ плѣнъ сдать не хочешь?

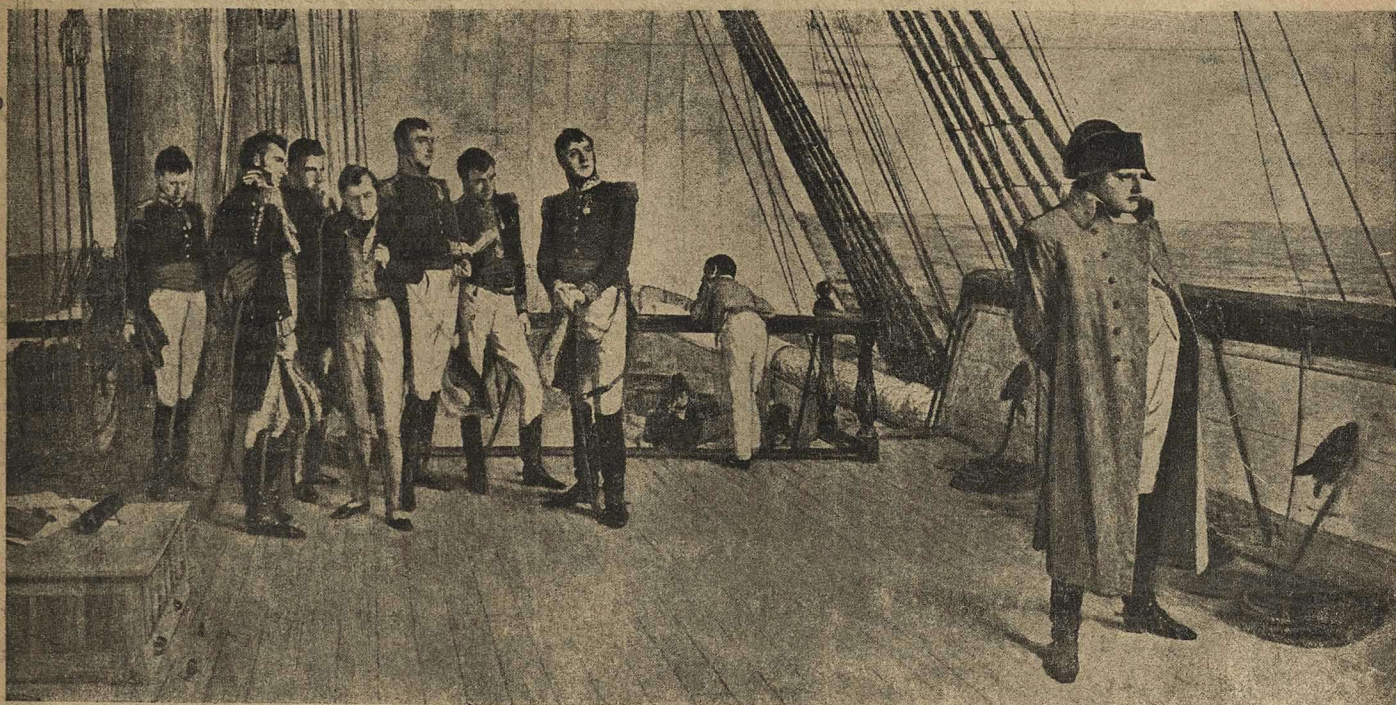
— Упаси Богъ, ваше высокоблагородіе!—и весь въ лихость пришелъ.

III.

Опять надо было ждать ночи. Лицо у Зубкова осунулось, похудѣло. Дня два онъ еще могъ продержаться на ногахъ, а дальше положеніе представлялось совершенно безвыходнымъ. Послѣ четвертой ночи, когда Зубковъ, какъ подкошенный, повалился на землю, я понялъ, что все кончено и надо исполнить свое рѣшеніе. Я опредѣлилъ срокъ—до захода солнца.

«Если, — думалъ я,—до этого времени не будетъ никакихъ перемѣнъ, то дуло въ ротъ и баста».

Муки голода, господа, ни съ чѣмъ несравнимы. Вы чувствуете, какъ съ каждымъ часомъ звѣрѣете и все ваше человѣческое «я»—просто чепуха. Кусокъ хлѣба кажется вамъ самымъ прекраснымъ и главнымъ, что есть въ жизни. Изъ-за него вы готовы на что угодно. Воля слабѣетъ и вашъ мозгъ рисуетъ самые фантастическіе планы. Кто разъ голодалъ, тотъ навсегда запомнитъ, что человѣкъ въ самой серединѣ своей—животное, и животное скверное. Зуб-

В. Орчардсонъ. Наполеонъ на «Белерофонѣ».

ковъ былъ выносивше меня и страдать меньше.

— А японцы?

— Тутъ, ваше высокоблагородіе, ружейной подать.

— Значить отъ полка мы отрѣзаны?

— Такъ точно.

Я приказалъ Зубкову разсказать о подробностяхъ боя и о томъ, какъ ему удалось добраться до деревни. Произошло это, оказывается, такъ.

Зубковъ видѣлъ, какъ подбили подо мною лошадей, и когда бѣжалъ мимо меня, то подумалъ сначала, что я тоже убитъ; но я застоналъ, и онъ остановился. Въ это время его сшибли съ ногъ, и онъ упалъ на меня. Насъ рѣшили такимъ пулеметнымъ огнемъ, что валандаться было некогда, а Зубковъ рѣшилъ меня подобрать и естественно—замѣшкался, видя, что отсталъ—одинъ на прицѣлѣ, смекнулъ, что стоять дуракомъ нечего, и легъ рядомъ. Пролегалъ онъ часа полтора, пока японцы не отошли, и поползъ, сдѣлавъ развѣдку, вернулся за мной и на Божій страхъ понесъ меня въ деревню.

Когда онъ мнѣ это разсказывалъ, я какъ-то совсѣмъ забылъ о томъ, что это — Зубковъ, тотъ самый Зубковъ, надъ которымъ я еще недавно показывалъ свою власть. Мнѣ не пришло тогда въ голову, что онъ могъ поступить иначе, и я отнесся къ его разсказу довольно равнодушно. Меня въ тѣ минуты больше всего занимала моя рана.

Перевязка, которую онъ мнѣ сдѣлалъ, была насквозь, въ крови, и я чувствовалъ жгучую боль.

— Это ты чѣмъ,—спрашиваю,—перевязалъ?—и разматываю какія-то тряпки.

— Рубаху, ваше высокоблагородіе, съ японца снялъ.

Пуля прошла навзлетъ.

Положеніе наше было скверное. Показаться изъ фанзы—значило быть навѣрняка убитымъ. Слѣдовательно надо

было ждать и по ночамъ смотрѣть, ушли японцы или нѣтъ.

Сразу же, конечно, явился вопросъ: что мы будемъ ѣсть. Въ сосѣднихъ фанзахъ, какъ и въ нашей, естественно ничего не было, кромѣ труповъ. Что могли, китайцы уносили съ собою, а послѣ нихъ наши и японцы шарили.

Зубковъ, должно быть, считалъ, что рядомъ со мною ему, какъ нижнему чину, находиться не полагается, и ушелъ въ другой уголъ. Надо было что-нибудь предпринять, и я велѣлъ обыскать японцевъ. При нихъ были деньги и какія-то письма, и только. Въ сажняхъ двухъ

стахъ отъ фанзы, было видно, лежали еще убитые, но мы ихъ оставили на ночь, а пока каждый легъ въ своемъ углу. О томъ, чтобы сдаться въ плѣнъ, не могло быть и рѣчи: я не хотѣлъ показать свою слабость предъ Зубковымъ, а онъ—ясное дѣло—и заикнуться объ этомъ не могъ. Такъ мы и лежали, гадая каждый про себя, что будетъ съ нами дальше. Я часто задремывалъ, и это меня нѣсколько успокаивало.

Во многихъ мѣстахъ стѣны были продырявлены пулями, а крыша пробита снарядами, и въ пробитую сѣяла голубой кусокъ неба.

Г. Вейссъ. Вечеръ сраженія при Линьши (16 іюня 1815 г.).

ИЗЪ СЕРІИ РѢДКИХЪ РИСУНКОВЪ 1812 ГОДА.

Бивуакъ подъ Валутиной-горой 10 августа 1812 года.

Японцы лежали: одинъ — ничкомъ, другой — навзничъ. У того, который навзничъ, лицо было молодое, безусое и на него такъ падалъ свѣтъ, что казалось, будто онъ улыбался. На войнѣ какъ-то почти не отличаешь живыхъ отъ мертвыхъ и то, что рядомъ со мною были трупы, не производило на меня никакого впечатлѣнія. Когда я переводилъ взглядъ на Зубкова, онъ сейчасъ же вскакивалъ, готовый исполнить, что я потребую, но я махалъ рукою и онъ успокаивался.

Чтобы хоть какъ-нибудь перемочь себя, я до крови закусывалъ губу, но боль лишь обезсиливала на мгновение все тѣло, а потомъ начиналась та же пытка. Трудно было понять, чего сильнѣе хочется: ѣсть или пить. Я пробовалъ сосать ремешекъ съ брюкъ, но слюны было мало. Однако это все-таки нѣсколько облегчило. То я впадалъ въ забытье, то опять возвращался къ жизни.

Солнце уже заходило за сопку, когда я началъ готовиться къ смерти. Что я тогда думалъ, — право, затрудняюсь сказать. Вспоминалъ Петроградъ, родныхъ, но очень безпорядочно и смутно. Являлись самыя неожиданныя и нелѣпыя мысли. Хотѣлось, напримѣръ, увидѣть себя мертвымъ. Вообще я уже находился въ полубреду и потому, когда Зубковъ сказалъ мнѣ что-то, я его сразу не понималъ; видѣлъ только, что онъ двигаетъ челюстями и какъ-то странно втягиваетъ щеки.

— Что тебѣ? — спрашиваю.

— Не побрезгуйте, ваше высокоблагородіе! — и вынулъ изъ рта леденецъ.

Я думалъ, что это въ бреду.

— Откуда ты взялъ?

— Въ шинели нашелъ, какъ еще съ Петрограда ѣхавши, такъ и осталась.

Надо ли говорить, что я не побрезговалъ? Карамелька была лимонная, и отъ ея пріятной кислотцы сразу стало легче. Я сосалъ съ непередаваемымъ наслажденіемъ. Ничего не могло быть лучше этого леденца. Пососавъ я отдалъ Зубкову, а потомъ онъ опять мнѣ. Я чувствовалъ, что въ эту минуту онъ — мнѣ самый близкій, самый родной человѣкъ.

Карамелька насъ спасла. Ночью наши взяли часть японскихъ позицій, и деревня перешла въ наши руки.

Съ тѣхъ поръ и Зубкова, и эту карамельку я такъ помню, точно все это было еще вчера. Вотъ вамъ нашъ солдатъ. Какое громадное братолюбіе! Съ такими можно и въ огонь, и въ воду: не продадутъ и не выдадутъ и умѣютъ забыть обиду. А вы говорите — нѣмцы! Пусть-ка попробуютъ.

Про нѣмцевъ мы ничего не говорили, и полковникъ это сказалъ такъ, для большаго оттѣнка.

Мы чувствовали, что его разсказъ правдивъ отъ начала до конца, и это укрѣпило насъ въ мысли, что сила всегда на той сторонѣ, гдѣ жертва и правда.

Александръ Рославлевъ.

Жерико. Офицеръ егерей.

Изъ казачьей страны.

Отвѣтъ запорожцевъ.

Положеніе Малороссіи между владѣніями русскими, польскими и татарско-турецкими дѣлало ее яблокомъ раздора между сосѣдями; въ самой странѣ, послѣ смерти, Богдана Хмельницкаго, сблизившагося съ Москвою, царилъ неурядицы и смуты, возникшія вслѣдствіе совершенной неспособности къ управленію молодого Юрія Хмельницкаго, унаслѣдовавшаго отъ отца гетмановскую булаву, но не имѣвшаго его выдающихся способностей, ума и энергіи.

Число сторонниковъ сліянія съ московскимъ царствомъ было очень велико, и центромъ этого течения являлась Запорожская сѣчь, очень мало склонная польститься на многообѣщавшія предложенія малороссійскихъ гетмановъ перейти на сторону враговъ Москвы. Противъ такого упорства, затруднявшаго осуществленіе таившихся у гетмановъ тщеславныхъ замысловъ, приходилось принимать особенныя мѣры. Одной изъ такихъ мѣръ бывало подговариванье гетманами крымскихъ татаръ сдѣлать набѣгъ на сѣчь и разорить это «разбойничье» гнѣздо.

Въ концѣ семнадцатаго вѣка, кошевымъ атаманомъ на сѣчи былъ Иванъ Сѣрко, человѣкъ умный, отважный, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и своими заслугами родному казачеству вполне этого достойный.

Удачными набѣгами на татарскія владѣнія запорожцы въ концѣ досадили своимъ мусульманскимъ сосѣдямъ и вывели изъ терпѣнія турецкаго султана (Магомета IV), который, подъ вліяніемъ тайныхъ навѣтовъ малороссійскаго гетмана, стремился совершенно уничтожить сѣчь и стереть самое существованіе ея съ лица земли.

По нѣкоторымъ историческимъ даннымъ можно предположить, что турецкій султанъ надѣялся на мирный исходъ и что онъ посылалъ запорожцамъ увѣщанья добровольно смириться и подчиниться ему. Въ «очеркахъ исторіи запорожскихъ казаковъ» Д. Эварницкаго помѣщенъ любопытный текстъ одного турецкаго посланія къ запорожскимъ казакамъ и ихъ отвѣта.

«Я, султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, внукъ и намѣстникъ Божій, владѣлецъ царства македонскаго, вавилонскаго, іерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта, царь надъ царями, властелинъ надъ властелинами, необыкновенный рыцарь, никѣмъ непобѣдимый, неотступный хранитель гроба Іисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ, — повѣляю вамъ, запорожскіе казаки, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія, и меня вашими нападкамі не заставлять беспокоить. Султанъ турецкій Махмудъ IV».

Слово за слово отвѣчали на это казаки.

Собравшись на общій совѣтъ, куренные атаманы и почтеннѣйшія лица войска, дружными усиліями сочинили отвѣтъ.

Въ немъ нельзя найти изысканныхъ дипломатическихъ выраженій, онъ по-

лонт злой насмѣшки надъ чваннымъ врагомъ, большія силы котораго не пугали небольшой горсти храбрецовъ; пребывая другъ друга, при общемъ смѣхѣ надъ удачнымъ словомъ, подсаживали они медленно выводившему буквы писарю ствѣтъ султану, и изъ подъ пера писаря вышло посланіе, приведшее султана въ необычную ярость.

«Запорожскіе казаки турецкому султану. Ты шайтанъ (чортъ) турецкій, проклятаго чорта братъ и товарищъ и самаго люципера секретарь! Якій ты въ чорта лыцарь? Чортъ выкидае, а твое войско пожирае. Не будешь ты годенъ сынивъ хрестіанскихъ надъ собою мати (имѣть); твоего войска мы не боймось, землею и водою будемъ бытъя зъ тобою. Вавилонскій ты кухарь, македонскій колесникъ, іерусалимскій броварникъ (пивоварь), александрійскій козалупъ, Великаго и Малаго Египта свинарь, армянска свиня, татарскій сагайдакъ (козелъ), каминецкій котъ, подоменскій злодіюка, самаго дьявола внукъ, и всего свиту и пидсвиту блазень (глупецъ), а нашего Бога дурень, свиняча морда, кобыляча с.....а, ризныцка собака, нехрешеной лобъ, хай бы взявъ тебѣ чортъ! Атакъ тоби казаки высказали, плюгавче (поганецъ)! Негоденъ еси матери вирныхъ хрестіанъ. Числа не знаеъмъ, бо календаря не маеъмъ, мисяць у неби, годъ у кнызи, а день такой у насъ, якъ и у васъ, поцилуй за те ось-куды насъ!..»

Подписаль это оригинальное письмо «Кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко за всимъ коштомъ запорожскимъ».

Наполеонъ на о-въ «Прекрасная Елена». Рѣдчайшій рисунокъ.

Кромѣ того, живой товаръ нерѣдко поставляютъ услужливые намѣстники областей, скупающіе, а то и похищающіе, самыхъ красивыхъ дѣвушекъ во вѣрренныхъ имъ провинціяхъ.

Усердными поставщицами служатъ и родственницы султана — его тетки и кузины, которыя, желая ему угодить, другъ передъ другомъ стараются высмотрѣть какую-нибудь красавицу. Однако Абдуль-Гамидъ, впавшій въ болѣзненную подозрительность, теперь не часто удостоиваетъ своихъ родственницъ принятіемъ ихъ подарка...

Попавъ въ гаремъ, каждая новая кандидатка въ фаворитки поступаетъ въ вѣдѣніе баши-кальфа (главная рабыня), которая, подъ присмотромъ казначейши (газнедаръ-уста) и верховнымъ руководствомъ Валиде — султанши (мать султана), приступаетъ къ ея воспитанію, которое длится обыкновенно два года.

Съ этого времени дѣвушка должна проститься со всѣмъ, что ей было дорого и близко, изгладить изъ своей памяти прошлое, забыть все, до своего прежняго имени включительно, и жить только одной мыслью, однимъ желаніемъ стать достойною предназначенной ей роли.

Опытная руководительница дѣятельно принимается за усовершенствованіе всѣхъ ея внѣшнихъ данныхъ.

Она ухаживаетъ за ея красотой, старается развить въ ней всю женскую прелесть, посвящаетъ ее въ тайны самаго изощреннаго кокетства, приучаетъ къ плавнымъ движеніямъ, красивымъ позамъ, выучиваетъ мелодичному пѣнію, поэтичному образному языку, нѣжнымъ переходамъ голоса — словомъ, всему, что можетъ явиться соблазнительнымъ на самый избалованный, капризный вкусъ.

Когда, наконецъ, красавица достигнетъ во всемъ этомъ совершенства, ей еще преподаютъ, какъ она должна подавать султану туфли, наклонять передъ нимъ кувшинъ съ благовонной водой, подносить его любимые напитки; объясняютъ всѣ его привычки, капризы, слабости и въ концѣ концовъ подвергаютъ ее экзамену въ присутствіи Валиде — султанши, который является послѣдней санкціей ея познаніямъ.

Послѣ этого она вступаетъ въ ряды трехсотъ товарокъ и должна покорно ждать, пока на ней остановится милостивый взглядъ владыки.

По закону, правотѣрный, какъ простолудинъ, такъ и самъ султанъ, можетъ имѣть только четырехъ законныхъ женъ, но кромѣ того ему дозволяется содержать любое количество рабынь, дѣти которыхъ, однако, пользуются

Изъ недавняго прошлаго КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Гаремъ Султана Абдуль Гамида.

Жоржъ Дорисъ 25 лѣтъ тому назадъ такъ описалъ жизнь гаремныхъ затворницъ турецкаго султана Абдуль-Гамида II, между прочимъ, приводилъ ту мысль, что въ Турціи существованію гаремовъ, по крайней мѣрѣ, большихъ, грозитъ опасность въ виду экономическихъ условий страны, которыя дѣлаютъ непосильными расходы на содержаніе ихъ и поневолѣ должны повести къ моногаміи.

Конечно, это не могло относиться къ султану, гаремъ котораго представлялъ собой цвѣтникъ красавицъ, числомъ до трехсотъ.

По словамъ Дориса, самый большой контингентъ ихъ составляютъ черкешенки, затѣмъ сиріянки и румелійки, которыя обыкновенно еще въ дѣтствѣ приводятся въ гаремъ для должнаго подгодовленія ихъ въ одалиски.

Забота о пополненіи гарема Абдуль-Гамида лежитъ, главнымъ образомъ, на эсирджи-баши (начальникъ рабовъ) — Гуссейнъ-эфенди и на помощникъ его Эминъ-Хандмъ, которые имѣютъ для этой цѣли въ своемъ распоряженіи цѣлый отрядъ специальныхъ агентовъ.

Жерико. Раненный кирасиръ.

Битва амазонок съ греками. (Съ саркофага).

одинаковыми правами съ дѣтьми отъ законныхъ женъ.

Султанъ при этомъ соблюдаетъ изстари заведенный обычай и выбираетъ жену не среди дѣвушекъ знатныхъ семей, а изъ числа рабынь.

Абдуль Гамидъ, впрочемъ, вовсе воздержался отъ заключенія брака, и первая четыре женщины, отъ которыхъ онъ имѣлъ дѣтей, не утверждены, какъ бы то слѣдовало, закономъ въ качествѣ женъ, хотя и пользуются всѣми подобающими послѣднимъ почестями.

Когда властелинъ удостоитъ обратить вниманія одну изъ своихъ безсловесныхъ рабынь, ее прозываютъ гезлѣ затѣмъ, какъ наложница его, она обращается въ икбаль (возвеличенная), и, наконецъ, если у нея родится ребенокъ, она становится кадиной, т. е. дамой, и получаетъ титулъ принцессы.

Но все-таки она не считается женой и можетъ получить это званіе лишь по смерти одной изъ четырехъ женъ и то, если султанъ сообразовитъ оказать ей это счастье. Можно было бы предположить, что число кадинъ очень велико, точно такъ же, какъ и потомство султана.

Но на дѣлѣ это далеко не такъ.

Старья рабыни—кальфы—зорко слѣдятъ за избранными султана и при первомъ же подозрѣніи принимаютъ рѣшительныя мѣры для сокращенія потомства, такъ что число дѣтей Абдуль-Гамида достигаетъ всего тринадцати.

Само собой разумѣется, что несчастныя затворницы—по материнскому ли инстинкту или по честолюбію—въ свою очередь всячески стараются обмануть бдительность кальфы и все-таки попадаютъ въ кадины.

Такихъ фаворитокъ у Абдуль-Гамида двѣнадцать, и самая главная изъ нихъ — черкешенка Азизіе-Ханумъ, братъ которой состоитъ флигель-адъютантомъ при султанѣ.

Каждая кадина имѣетъ свое отдѣльное помѣшеніе, свой маленькій дворъ, представляющій точный сколокъ съ

султанскаго двора, съ должностями канцелярши, хранительницы печатей, секретаря и т. д. и съ цѣлымъ штатомъ евнуховъ, кальфы и другихъ рабынь.

Первенствующую роль въ этомъ женскомъ царствѣ играетъ Валиде — султанша (мать султана), которая стоитъ во главѣ всѣхъ, пользуется наибольшимъ вліяніемъ и, такъ сказать, заправляетъ гаремомъ, гдѣ ей всѣ подвластны.

Кадины, разъ онѣ достигли этого званія, уже на вѣкъ прикованы къ гарему, откуда имъ можетъ открыться выходъ только смерть.

Совсѣмъ другое положеніе у икбаль, которыя нерѣдко покидаютъ гаремъ, въ видѣ султанскаго подарка переходя въ руки какого-нибудь паши.

Иногда такая перемѣна въ ихъ жизни происходитъ просто потому, что онѣ надоѣли султану, иногда же она является слѣдствіемъ той роли, какая на нихъ возлагается, а именно роли шпіона.

Султанъ осчастлививаетъ подозрительнаго для него пашу своимъ царскимъ подаркомъ, и женщина эта, конечно,

занимаетъ первое мѣсто въ гаремѣ новаго хозяина, у котораго въ минуту слабости выпытываетъ все, что ей надо знать.

Такимъ образомъ, на примѣръ, нынѣшнему султану стали извѣстны имена многихъ знатныхъ турокъ, которые принимали тайное участіе въ армянскомъ заговорѣ.

Но это единственный случай, когда отъ одалиска требуется извѣстная сознательность.

Въ общемъ же онѣ ведутъ чисто растительную жизнь.

Во времена султана Абдуль-Меджида за недостаткомъ строгаго надзора, онѣ предавались такимъ оргіямъ, что намѣстникъ его, Абдуль-Азисъ, нашелъ нужнымъ прибѣгнуть къ радикальнымъ мѣрамъ, и большинство гаремныхъ дамъ исчезло въ волнахъ Босфора.

Гаремъ султана Абдуль-Гамида считается самымъ выдержаннымъ и корректнымъ.

Тутъ все пристойно и прилично.

ИЗЪ ЭПОХИ ЗАВОЕВАНІЯ АЛЖИРА. Алжирцы прогоняли сквозь строй европейскихъ плѣнниковъ, но тѣхъ изъ нихъ, которые успѣвали схватиться за цѣпь надъ воротами мечети—отпускали на свободу.

Дамы проводят все свое время въ танцахъ, пѣніи, куреніи наргилъ, занимаются музыкой, играютъ въ куклы, пудрятъ лица негритянокъ, натравливаютъ ихъ другъ на друга, цѣлый день ѣдятъ конфеты и разныя сласти, пьютъ кофе, играютъ въ карты, забавляются кошками и попугаями и втихомолку наслаждаются запретнымъ для нихъ виномъ и раки—виноградной водкой, которыя имъ иногда доставляетъ благосклонный евнухъ.

Въ ходу у нихъ и новѣйшія изобрѣтенія, какъ любительская фотографія и даже, велосипеды.

Умственные интересы для нихъ не существуютъ. Тѣмъ изъ нихъ, кто умѣетъ читать, даютъ арабскія сказки, да изрѣдка турецкіе журналы, изъ которыхъ предусмотрительная цензура вычеркнула все, что могло бы дать толчекъ мысли.

Единственно, что нашло себѣ доступъ въ этотъ міръ неподвижности и застоя, это мода.

Дамы гарема отказались отъ своихъ живописныхъ національных костюмовъ и, что касается фасона, все больше и больше дѣлаются строгими послѣдовательницами парижской моды; при этомъ одалиски, смотря по времени года, одѣваются въ сукно и бумажныя ткани, а принцессы и фаворитки въ кисею и шелкъ.

Собой разумѣется, у нихъ есть свой особый строгій этикетъ для одежды приходящихъ съ визитами знатныхъ дамъ.

Дѣвушки должны являться въ бѣлыхъ, замужнія въ черныхъ платьяхъ съ треномъ, въ беретахъ, украшенныхъ брилліантовой эгреткой, и съ драгоценными камнями въ волосахъ. Лица при этомъ должны быть открыты, такъ какъ султанъ, единственный изъ всѣхъ правовѣрныхъ, имѣетъ право видѣть постороннихъ дамъ безъ обязательной фаты или ямака.

Иногда случается, что гостя привлекаетъ своей красотой султана, который благосклонность свою переноситъ на ея влательца.

Такъ разсказываютъ, что морской министръ, Гассанъ-паша, благодаря одной изъ дамъ своего гарема, выходитъ невредимымъ изъ всѣхъ министерскихъ кризисовъ, за что и получилъ прозвание «безсмѣнный».

Какъ уже было сказано, жены султана и кадины не могутъ выйти за пре-

Р. Кнетель. Битва при Эйлау.

дѣлы гарема; одалиски же имѣли на то полное право и часто въ сопровожденіи евнуховъ отправлялись по магазинамъ за покупками.

Но теперь имъ это далеко не такъ доступно послѣ скандала, когда разоблачилось, что онѣ въ одномъ магазинѣ назначали тайныя свиданія.

Кадины доставляютъ себѣ развлеченіе тѣмъ, что ходятъ другъ къ другу въ гости.

Ихъ отдѣльные апартаменты имѣютъ между собой сообщеніе, и то одна, то другая собираютъ у себя своихъ товарищъ на обѣдъ.

Такъ изо дня въ день идетъ у нихъ жизнь, вся составленная изъ мелочей, однообразная и безсодержательная.

Въ противоположность восточному вкусу, требующему могучихъ формъ и нѣсколько тяжеловѣсной красоты, Абдулъ-Гамидъ любитъ женщинъ хорошенькихъ и граціозныхъ, безъ особенной правильности въ красотѣ. Вообще же, онъ очень любезенъ и, если можно такъ выразиться галантенъ съ всѣми обитательницами своего гарема.

Но такимъ онъ бываетъ только въ свои добрыя минуты, а послѣднія теперь становятся все рѣже и рѣже, такъ какъ Абдулъ-Гамидъ сдѣлался болѣзненно-подозрительнымъ, всюду чувствуетъ заговоры и почти не выходитъ изъ мрачнаго настроенія духа.

Эта подозрительность заставила его, болѣе чѣмъ когда-либо, отрѣзать обитательницъ своего гарема отъ всего прочаго міра, онъ учредилъ за ними строжайшій надзоръ, воспретилъ имъ даже употребленіе косметикъ: бѣлилъ, румянъ, бархатныхъ мушекъ: и т. д., и все изъ боязни, что среди несчастныхъ затворницъ можетъ найтись современная Юдифъ.

Но это, такъ сказать, самая невинная мѣра; а онъ не останавливается передъ жестокостями,

Французскій средневѣковый герой Бассомпьеръ, прославившійся цѣлымъ рядомъ побѣдъ, одержанныхъ надъ турками и австрійцами.

Древне-греческіе военные анекдоты.

Морской бой 300 лѣтъ тому назадъ.

Всѣмъ извѣстна исторія, когда онъ собственноручно застрѣлилъ одалиску, которая позволила себѣ съ нимъ немногое рѣзкое движеніе, почему онъ предположилъ въ ней желаніе его задушить.

Другой случай еще больше характеризуетъ его подозрительный, жестокой нравъ.

Маленькая, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка случайно забрела изъ гарема въ его рабочій кабинетъ и, увидавъ на столѣ одинъ изъ крошечныхъ револьверовъ, которые постоянно находятся при султанѣ, стала его разсматривать.

Въ эту минуту вошелъ Абдуль-Гамидъ.

Увидавъ его искаженное отъ гнѣва лицо, дѣвочка испугалась и расплакалась.

Это окончательно убѣдило султана въ ея виновности, онъ повелѣлъ ее схватить и «допросить».

Бѣднаго ребенка подвергли всевозможнымъ истязаніямъ, вгоняли подъ ногти раскаленные желѣзные острія, но, кромѣ стонувъ и криковъ, ничего не могли добиться и тогда только отпустили несчастную.

По малѣйшему подозрѣнію, одалиска исчезаетъ неизвѣстно куда, и остальные должны забыть о ея существованіи, не смѣя спросить, гдѣ она, ни даже назвать ея имени.

Нѣмецъ находилъ еще достоинства въ кайзерѣ.

Русскій блестяще разбивалъ доводы нѣмца и рисовалъ въ истинномъ свѣтѣ фizioномію его.

— Вотъ интересно, чтобы сказалъ о немъ Л. Н. Толстой, если бы былъ живъ, — воскликнулъ нѣмецъ.

— А графъ Толстой еще 8 лѣтъ тому назадъ на валъ его грубымъ и невѣжественнымъ, — спокойно возразилъ русскій.

Нѣмецъ разгорячился и потребовалъ доказательствъ, не допуская такого мнѣнія гр. Толстого про кайзера.

Тогда русскій представилъ ему письмо гр. Л. Н. Толстого, гдѣ въ письмѣ «къ китайцу», писанномъ еще въ октябрѣ 1906 г., во II главѣ, были подчеркнуты слова: «Одинъ изъ самыхъ грубыхъ и невѣжественныхъ представителей Западной Европы — германскій императоръ».

Нѣмецъ былъ сконфуженъ и опѣшилъ, отказавшись продолжать споръ.

КЪ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ЗНАМЕНИ.

Изъ коллекціи древнѣйшихъ русскихъ знаменъ.

Сконфуженный нѣмецъ.

Два торговца — русскій и нѣмецъ — завели споръ о достоинствахъ и недостаткахъ германскаго кайзера.

Дмитрій, взявъ и разрушивъ Мегару, спросилъ философа Стильпона, уроженца этого города, не было ли у него что-нибудь отнято.

«Нѣтъ, ничего», — отвѣчалъ Стильпонъ, потому что мудрость никогда не дѣлается военной добычей».

Филиппъ, царь македонскій, желая взять одну крѣпость, послалъ своихъ офицеровъ на рекогносцировку къ ней.

Вернувшись, они донесли, что крѣпость неприступна.

«Какъ», вскричалъ Филиппъ, даже и для осла съ мѣшкомъ золота?»

Наканунѣ сраженія при Арбеллахъ къ Александру пришли нѣсколько его друзей съ очень дурными, какъ имъ казалось, вѣстями.

По ихъ мнѣнію, настроеніе солдатъ было весьма неблагонадежное, потому что они сговорились все грабить въ свою пользу, ничего не оставляя для царской казны.

«Вы приносите мнѣ, напротивъ, отличныя извѣстія», возразилъ имъ Александръ: «такъ могутъ сговариваться только солдаты, увѣренные въ побѣдѣ, а не помышляющіе о бѣгствѣ».

Наканунѣ Саламинскаго сраженія начальникъ коринѣскаго флота, Адеимантъ, никакъ не соглашался пустить свои корабли въ битву, —Themistokles же настаивалъ на немедленномъ нападеніи на непріятеля.

«Но ты знаешь», — замѣтилъ ему Адеимантъ, «что на нашихъ играхъ быть плетями того, кто незаконно полѣзетъ въ состязаніе!»

— «Твоя правда», — возразилъ Themistokles, «но вѣдь и тѣ, кто придетъ слишкомъ поздно, не получаютъ вѣнка».

Многіе считали Тимоѳея не столько талантливымъ, сколько счастливымъ полководцемъ; по рукамъ ходило нѣсколько карикатуръ, изображавшихъ его спящимъ, между тѣмъ какъ города сами влѣзаютъ къ нему въ мѣшокъ.

По поводу одной изъ нихъ онъ сказалъ:

«Если я сонный беру столько городовъ, то что же я сдѣлалъ бы, если бы не спалъ?»

Въ книжномъ складѣ „20-й ВѢКЪ“

Петроградъ, 7-я Рождественская, 30,
и на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ
продаются слѣдующія книги:

ДРЕВО ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА.

Злая пародія на энциклопедіи и словари современниковъ. Полное объясненіе нѣсколькихъ тысячъ русскихъ словъ.

Веселыя характеристики современныхъ писателей, художниковъ и артистовъ.

Эта книга — совершенно бывалое явленіе въ русской юмористической литературѣ и вполне заслуженно пользуется огромнымъ успѣхомъ у читающей публики.

Юморъ брызжетъ изъ каждой строки этой язвительно-веселой пародіи на энциклопедіи. Сотни блестящихъ афоризмовъ, остроумныхъ стихотвореній, забавныхъ характеристикъ — национальностей, городовъ, общественныхъ дѣятелей и т. п. Составилъ Мрачный Юмористъ. 320 стр. текста.

Цѣна одинъ рубль

съ пересылкой (можно почтовыми марками). Выпускающіе съ наложеннымъ платежомъ уплачиваютъ 1 руб. 25 коп.

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ:

Петроградъ. 7-я Рождественская ул., д. № 30. Книжный складъ журнала „20-й вѣкъ“.

ОБЫВАТЕЛИ.

33 юмористическихъ
== разсказа ==

→ Евгенія Сно. ←

СОДЕРЖАНІЕ. 1. Столичное. — 2. Асская мѣсть. — 3. Испанскій романъ. — 4. Англійскій романъ. — 5. Китайскій романъ. — 6. Маскотта. — 7. Не по средствамъ. — 8. Мой первый юнчикъ. — 9. Принцесса. — 10. Макароны. — 11. Семейника. — 12. Письмо. — 13. Опасный возрастъ. — 14. Подъѣзды. — 15. Франкъ. — 16. Апаши. — 17. Нѣтъ худъ безъ добра. — 18. Счастливы билетъ. — 19. Талантливая семейка. — 20. Культурная миссія. — 21. Опись имущества. — 22. Собственникъ. — 23. Бенесифъ. — 24. Нарушеніе тишины. — 25. Блины. — 26. Не женился и отлично сдѣлалъ. — 27. Письма лядишки. — 28. Иродъ. — 29. Демонъ. — 30. Веселая любовь. — 31. Застѣнчивость. — 32. Дачиная удовольствія. — 33. Тайна сердца.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

ХРИЗАНТЕМЫ.

СОДЕРЖАНІЕ. I. Орко. Венеціанская сказка. Жоржъ Зандъ. — II. Народный праздникъ въ Римѣ. Де-Сталь. — III. Бѣгство Мегги Джорджъ Элиотъ. — IV. На разныхъ дорогахъ. Элиза Ожешко. — V. Какъ надо любить. Пастель М. Серао. — VI. На полѣ битвы. Верты Зутнеръ. — VII. Музыкантъ. Сельма Лагерлефъ. — VIII. Часы Клары Фибигъ. — IX. Марыска. Маріи Конопницкой. — X. Въ туманѣ. Ады Негри. — XI. Кровавая мѣсть. Карменъ Сильва. — XII. Моя первая любовь. Э. Пардо-Базанъ. — XIII. Пьеретта. Жипъ. — XIV. Жизнь. Поэма въ прозѣ Нины Биччи.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

МУХОМОРЪ.

26 юмористическихъ
== разсказовъ ==

→ Евгенія Сно. ←

СОДЕРЖАНІЕ. I. Въ тихомъ уголкѣ. — II. Собственный корреспондентъ. — III. Разбитое сердце. — IV. Отелломанія. — V. Ванна. — VI. Остроитяна. — VII. Традиція нарушена. — VIII. Артисты. — IX. Источникъ просвѣщенія. — X. Капканъ. — XI. Черная неблагодарность. — XII. Развѣлима. — XIII. Американка. — XIV. Интеллигентное знакомство. — XV. Междоусобица свиданіе. — XVI. Зубы. — XVII. Счета. — XVIII. Старѣющее и новое. — XIX. На всѣ руки мастера. — XX. Самообразованіе. — XXI. Дядя. — XXII. Добросовѣстность. — XXIII. Тигръ. — XXIV. Фаско. — XXV. Святые искусство. — XXVI. Орлица.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

ЧЕРТОПОЛОХЪ.

47 юмористическихъ
== разсказовъ ==

→ Евгенія Сно. ←

Изданіе 3-е. Восьмая тысяча.

1. Безпокойная жизнь. — 2. Мы. — 3. Экономная жена. — 4. Коверъ самолета. — 5. Другъ семьи. — 6. На романтической подкладкѣ. — 7. Авоська. — 8. Животъ. — 9. Бунтъ. — 10. Красный пѣтухъ. — 11. Рыболовъ. — 12. Не убивай его. — 13. Страхи. — 14. Доброжелательница. — 15. Дорогое удовольствіе. — 16. Соловье. — 17. Приятель. — 18. Дѣя вѣсты. — 19. Лѣшій. — 20. Сонъ. — 21. Вегетарианецъ. — 22. Деликатность. — 23. Чудило. — 24. На высотѣ. — 25. Столичный гость. — 26. Птицы. — 27. Кулинарное искусство. — 28. Шуки. — 29. Лига смерти. — 30. Формы. — 31. Авиаторы. — 32. Хирургія. — 33. Сеансъ. — 34. Поздравители. — 35. Мандринъ и Сатириконъ. — 36. Ночью. — 37. Муки. — 38. Взятки гладки. — 39. Толстый и тонкій. — 40. На улицѣ. — 41. Гимназисты. — 42. О красной шапочкѣ. — 43. Улика. — 44. Живая хронологія. — 45. Анекдоты. — 46. Гамлетъ. — 47. Зелье.

256 страницъ. Цѣна 1 руб.

ОРХИДЕИ.

Литературно-художественный сборникъ произведеній лучшихъ европейскихъ писательницъ.

СОДЕРЖАНІЕ. I. Король ѣдетъ. Каринъ Михаэлисъ. — II. Изъ Анны Виванти. — III. Умильта. Повѣсть Уйда. — IV. Клятва М. фонъ-Эбнеръ-Эшенбахъ. — V. Сказка про бѣлаго бычка. М. Родзевичъ. — VI. Комическая трагедія. Мисъ Клиффордъ. — VII. Скрюченность. Новелла Неэра. — VIII. Старость — не радость. — IX. Любовь спитъ. М. Дель-Грация.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

ГОРОДЪ МЕРТВЫХЪ.

Повѣсти и разсказы

О. П. Снѣгиной.

СОДЕРЖАНІЕ. Городъ мертвыхъ. Колдунъ. Барыня. Жена цезаря. Туманнымъ вечеромъ. Батракъ. Лѣсная сторожка. Камень съ крыльями. Человѣкъ съ черными глазами. Продаждъ. Тѣстъ смерти. Семь. Собака клоуна. Мой врагъ. Въ пыли. Мечта. Старое кладбище. Анна Ивановна. Скорбящимъ. На отдыхъ.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

Викторіенъ де-СОССЕИ

НОЧЬ ЛЮБВИ.

(Un Nuit d'Amour).

Популярный авторъ Викторіенъ де-Соссей, недавно выпустилъ въ свѣтъ новый шедевръ своего искуснаго пера. „Ночь Любви“ — романъ страсти, какъ гласитъ французскій подзаголовокъ книги, даетъ дѣйствительно захватывающее, въ высшей степени, откровенное описаніе картинъ страсти, которыя сильнѣе разстоянія и, развѣ, овладѣвъ человѣкомъ, уже не даетъ ему свободы. Гдѣ-бы онъ не былъ: въ Парижѣ-ли, въ Африкѣ — вслѣдуетъ пересѣчь нѣмъ любимый образъ, спасая его отъ соблазнавъ жизни и выводя невредимымъ изъ борьбы.

Книга снабжена многокрасочной художеств. обложкой, на мѣловой бумагѣ. Книга эта переведена на всѣ европейскіе языки.

256 страницъ. Цѣна 1 руб.

„ПОЛУСВѢТЪ“.

Иллюстрированный альманахъ легкаго жанра съ рисунками и карикатурами лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Краткое содержаніе. Историческая дамы полусвѣта: Фрига. — Аспазія. — Никонъ де Ланкло. — Фривольные разсказы: Шикъ-Мини. — Тайны кокетки. — Какъ я отомстилъ. — Изъ дневника Этуали Фуруръ. — Мимоза. — По договору. — Изъ парфюмернаго магазина. — Маленькая ошибка. — Серпантинъ. — На испытаніи. — Руководство для этуалей. — По ошибкѣ. — Незнакомка. — Не кати. — Въ сѣтяхъ Парижа. — Сигналъ. — Дѣловѣшпая. — Воображѣ. — Письма. — Секреты. — Кромѣ того, стихи множество веселыхъ мелочей съ 60-ю интересными иллюстраціями въ текствѣ, въ роскошной худож. многокрасочной обложкѣ.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

ИГРИВАЯ ЖЕНА.

Романъ Вилли. Почти во всѣхъ романахъ талантливаго автора Вилли фигурируетъ остроумный скептикъ Жоки. Романъ „Игривая жена“ всецѣло посвященъ Жоки и его возлюбленной — женѣ Леона Пайе — игривой Мартѣ. Читается съ громаднымъ интересомъ. Цѣна 1 руб.

При покупкѣ книгъ на сумму, не менѣе 2-хъ руб. — пересылка за счетъ конторы. При заказахъ просить высылать задатокъ 50%. (Можно марками).

Каталоги высылаются — бесплатно

Прекрасная венеціанка.

Романъ М. Формонъ. Последнее произведеніе французскаго романа М. Формона посвящено рыцарской любви молодого и знатнаго венеціанца Паоло къ прекрасной Цециліи. Цѣна 1 р.

Подруга принца Жана.

Вилли. Подруга принца Жана — такъ называютъ актрису Газтану, даму балъ-заковокскихъ лѣтъ, красавицу съ неукротимымъ темпераментомъ. То обстоятельство, что ея интимнымъ другомъ является таинственный принцъ Жанъ, чуть ли не королевская особа — окружаетъ Газтану особымъ ореоломъ въ глазахъ ея поклонниковъ. Это канва романа, на которой остроумный Вилли вышилъ множество изящно-скабрёзныхъ узоровъ. Описаніе сценъ любви полно шаловливой игривости. Ц. 1 р.

Красный поцѣлуй.

М. Формонъ. На фонѣ разсѣянной и легкомысленной жизни высшего французскаго общества, разыгрывается трогательный романъ между испанскимъ аристократомъ Фелиномъ Рамиро и дѣвушкой изъ французской буржуазіи, Терезой Соваль. Препятствіемъ для счастливаго соединенія влюбленныхъ служитъ прежняя любовница Рамиро, пылкая испанка, маркиза де Реаль. Цѣна 1 руб.

Славеный старичокъ.

Вилли. Это талантливое произведеніе служитъ блестящимъ подтвержденіемъ словъ стараго князя Гренина: „Любви всѣ возрасты покорны“. Герой романа Тардо прожилъ спокойно до сѣдыхъ волосъ, но, вдругъ на его жизненномъ пути встрѣчается ему воздушная, изящная красавица, Пимпичъ. Спокойствію самоуверенности Тардо пришелъ конецъ, онъ безумно влюбился. Ц. 1 р.

Игры принца.

Вилли. Въ своемъ новомъ произведеніи, талантливый авторъ нашумѣвшей книги „Клодины“ яркими красками рисуетъ необузданную жизнь современнаго французскаго высшего общества. Цѣна 1 руб.

„ВѢСТНИКЪ РАСТИТЕЛЬНОЙ КОСМЕТИКИ“

ПОМѢЩАЕТЪ СТАТЬИ ПО ВОПРОСАМЪ:

Какъ излѣчить совершенно безвредными домашними средствами, всякія кожные болѣзни; какъ сохранить и усилить свою красоту; какъ уничтожить всѣ дефекты лица, какъ-то: загаръ, веснушки, угри, прыщи, морщины и гусиные лапки.

Словомъ, все, что можетъ интересовать каждую женщину для ухода за ея здоровьемъ, красотой глазъ и гигиеной тѣла, лица, рта, зубовъ и волосъ, она найдетъ въ этомъ журналѣ.

Подробный иллюстрированный проспектъ о растительной косметикѣ высылается бесплатно.

Адресовать въ Главную Контору редакціи журнала „Вѣстникъ Растительной Косметики“:

ПЕТРОГРАДЪ, Дегтярная ул., д. № 26-30

«Побѣдителей» не судятъ! сказалъ «храбрый» Гансъ... и... былъ правъ! Его не судили... а сразу-же повѣсили!

▽▽▽

Требуите у всѣхъ газетчиковъ и на станціяхъ жел. дор. **РАЗСКАЗЫ, ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, КАРТИНЫ И РИСУНКИ**

„20-й ВѢКЪ“

ИЗЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ

Корреспонденціи съ театра войны. Цѣна 6 коп.